

**«Зачем срубили березняк и сосновый бор?»
(От «Наивного лешего» – к «Дяде Ване»)**

Долотова А. М.

Сопоставление двух пьес Чехова – «Леший» (1889) и «Дядя Ваня» (1896) – возникло сразу же, как только была написана вторая из них: к сравнению побуждало совпадение основных действующих лиц и сюжетных ситуаций. Известно, что в 1901 г. пьеса «Дядя Ваня» была выдвинута на Грибоедовскую премию Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов как «лучшее оригинальное драматическое произведение» прошедшего года, а затем отклонена комитетом Общества как «переделка его же драмы «Леший» (С., 13, 388).

При сходстве этих двух пьес авторское отношение к ним было различным. Были у Чехова, конечно, минуты после провала «Чайки» в Александринском театре, когда все его пьесы вызывали у него антипатию. «... Я не чувствую к своим пьесам ничего, кроме отвращения...» – писал он А. С. Суворину (П., 6, 251). Но «Леший» вызывал у автора особенно устойчивые отрицательные эмоции: «Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней» (П., 7, 285). Очевидно, преобразование структуры характеров, сценического действия, строения диалога и способа выражения лиризма и пафоса, т. е. драматургической системы Чехова в целом, явилось причиной сильнейшей антипатии автора к первому, несовершенному в его глазах варианту.

При исследовании вопроса о новаторстве Чехова-драматурга, вернее, о движении этого новаторства («Леший» был воспринят такими топкими ценителями театра, как П. М. Свободин и А. И. Урусов, как резко новаторская пьеса), внимание, естественно, сосредоточивается на отличиях «Дяди Вани» от «Лешего». Но можно взглянуть на эти две пьесы и с точки зрения сходства, причем никак не видоизмененного, и тогда обнаружится, что пьеса «Дядя Ваня» дает материал для изучения неких констант, сложившихся, по-видимому, в самом начале чеховского творчества.

В частности, тема монологов Хрущова («Леший») и Астрова («Дядя Ваня») обращает на себя внимание неизменностью существа ее разработки. Примечательным является то, что смысл, содержание речей Хрущова в защиту лесов не меняется при кардинальной переработке пьесы и – в отдельных чертах – характера ее центрального героя; меняются только способы включения монолога героя в ткань пьесы. Это обнаруживается при сравнении трех текстов: текста цензурной рукописи пьесы «Леший», окончательного ее текста и текста пьесы «Дядя Ваня».

В тексте цензурной рукописи «Лешего» Хрущов сам высказывает свои воззрения на леса, место их в природе и в жизни человека; Войницкий иронизирует над ним, перебивает, и в конце концов Хрущов в запальчивости обрывает свою речь.

«Войницкий (с иронией). У него есть другая профессия. Он на своей земле копает торф.

Серебряков. Что?

Войницкий. Торф. Один инженер вычислил, как дважды два, что в его земле лежит торфу на семьсот двадцать тысяч. Не шутите.

Хрущов. Я копаю торф не для денег.

Войницкий. Для чего же вы его копаете?

Хрущов. Мне нравится этот вопрос... Для чего я копаю? Для зубного порошка! (Раздраженно.) Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные

пейзажи – и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Смешного я тут ничего не вижу.

Войницкий. Я не смеюсь. Откуда вы взяли?

Хрущов. Вы истребляете леса, а они украшают землю, они учат понимать человека прекрасное, их великолепие внушает нам величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, голоса приятны, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. Вот вы глядите на меня с иронией, а когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками, я сознаю, что климат немножко в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм.

Федор Иванович. Леший, за твое здоровье!

Хрущов. Надо быть безрассудным варваром и не бояться бога, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человеку даны <разум> и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее.

Войницкий (перебивая). Все это прекрасно, но откуда вы, милый человек, взяли, что от лесов климат делается мягче? Если бы вы взглянули на дело не с фельетонной точки зрения, а с научной, то сказали бы совсем противоположное...

Хрущов. Если вы верите, что без лесов лучше, то что же вы сидите на одном месте и не спешите истребить то, что осталось? Егор Петрович, знаете что? Не будем говорить об этом! Прошу вас!» (С., 12, 271-272).

В окончательном тексте пьесы «Леший» Чехов разбивает большой монолог на две части, вкладывая первую из них в уста оппонента Хрущова.

«Войницкий. И все, что я до сих пор имел честь слышать от вас в защиту лесов, – все старо, несерьезно и тенденциозно. Извините меня, пожалуйста. Я сужу не голословно, я почти наизусть знаю все ваши защитительные речи... Например... (Приподнятым тоном и жестикулируя, как бы подражая Хрущову.) Вы, о люди, истребляете леса, а они украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. И так далее, и так далее... Все это мило, но так мало убедительно, что позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева» (С., 12, 140).

Чехов попробовал таким образом уменьшить монологичность этой сцены, но, очевидно, не был удовлетворен этой переработкой, так как в пьесе «Дядя Ваня» передал начало монолога Соне. Существо же этого публицистического фрагмента осталось в основных положениях прежним, почти без словесных изменений. Стоит только сравнить в тексте «Дяди Вани» такие утверждения, как «русские леса трещат под топором...», «надо быть безрассудным варваром, чтобы Ячечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать», «леса украшают землю, они учат человека понимать прекрасное...», и аналогичные места в тексте пьесы «Леший». При разном распределении между персонажами первоначального монолога Хрущова текст почти не испытывает изменений. Даже в устах иронизирующего Войницкого средства выражения этой иронии не разрушали текста монолога, а как бы сопровождали его (риторическое обращение «о люди»). Но Чехов,

очевидно, в стремлении сохранить полностью серьезный пафос речи Хрущова, передает начало монолога влюбленной в него девушке.

Создается впечатление большой устойчивости текста пьесы в этой ее части. При всех поисках в области сценической формы, при передаче кусков монолога разным персонажам текст «леса украшают землю <...> отношения к женщине полны изящного благородства» остается неизменным, произносит ли его сам герой, его антагонист или влюбленная в героя девушка. Текст этот откровенно публицистичен. Чехов полностью сохраняет однажды найденные формулировки; мало того: если проследить до конца пьесы тему оскудения лесов в речах Астрова, выясняется, что в «Дяде Ване» автор придает еще большую свободу и широту ее разработке: он вводит в третье действие рассказ Астрова о состоянии лесов в уезде за 50 лет. Все это заставляет думать, что основные положения теории доктора Астрова сложились у Чехова, возможно, еще до создания «Лешего» и оказались постоянно присущими его творчеству.

Попробуем определить, как и когда могла сложиться у Чехова стройная программа, изложенная Хрущовым. В пьесе «Леший» Войницкий говорит: «... откуда вы, милый человек, взяли, что от лесов климат делается мягче? Если бы вы взглянули на дело не с фельетонной точки зрения, а с научной, то...» Эта фраза отсутствует в тексте «Дяди Вани», очевидно, не только из-за трансформации образа Войницкого. К середине 1880-х годов утратилось, вероятно, значение непосредственного отклика на какие-то фельетоны, злободневные публикации, и реплика Войницкого уже не дошла бы до зрителя, но во время создания пьесы «Леший» она еще имела конкретный смысл.

Леший как главное действующее лицо впервые возникает у Чехова еще в 1884 г. В сказке «Наивный леший», написанной для «Осколков», это не прозвище героя – он действительно леший. Какие-то черты будущего Лешего – Хрущова были заложены уже здесь, в простодушии лешего, в его непосредственной, эмоциональной реакции на происходящее: «Дорогая моя! Не посылайте меня вторично к людям! Уверю вас, что я не вынесу этого испытания!» (С., 2, 346). В сказке «Наивный леший» просматривается связь с русской публицистикой 1880-х годов. Герой ее упоминает «статью о вреде лесоистребления», которая действительно была напечатана в июньской книжке «Вестника Европы» за 1882 г. Аналогичный материал поместили и «Новости дня» – газета, которую Чехов, как автор «Осколков московской жизни», регулярно просматривал; в заметке «Лесное общество» пересказывалось содержание речи, произнесенной П. И. Шудрой в заседании московского отделения Лесного общества 18 ноября 1883 г. в защиту лесов. О мерах, принятых министерством государственных имуществ для ограждения казенных лесов от истребления, сообщалось в хронике журнала «Мирской толк» деятельным сотрудником которого Чехов был в начале 1880-х годов.

В том же журнале «Мирской толк» еще ранее, в ноябре 1882 г., была перепечатана из газеты «Новое время» статья Н. Вагнера «Леса и государство». В «Мирском толке» статья Вагнера предпослан заключительный раздел редакторской передовицы, где говорится: «Повальное, беспощадное истребление лесов, практикуемое в течение последнего пятидесятилетия по всему обширному пространству земли Русской, грозит в недалеком будущем громадными и неотразимыми бедствиями <...> уже не одно вздорожание топлива грозит нам, – нет, у нас в перспективе и обмеление рек, и превращение в бесплодные пустыни некогда хлебородных полей, и, наконец, за истощением лесных водохранилищ (обусловливаемых скоплением влаги в лесах), постоянные неотвратимые засухи, могущие вконец уничтожить паше земледелие».

Н. П. Вагнер – зоолог, писатель, с 1871 г. профессор Петербургского университета – в статье «Леса и государство» поставил ряд проблем. Автор обнаружил катастрофический разрыв между научными истинами и государственной практикой: «Отчего же эти специальности не приносят той пользы, которая от них ожидается, а допускают государственные органы применять в своих действиях приемы и явления, совершенно чуждые на практике их специальной науке?»; «Наука не составляет базис государственного

хозяйства». Частная собственность на леса, по мнению автора, препятствует охране лесов в государственном масштабе. Между тем леса составляют природное богатство страны, от которого зависят плодородие почв и судьба рек: «Главным образом, леса влияют на распределение вод и на круговорот воды в данной местности»; «Самая почва лесная имеет громадное значение для климата и плодородия целой страны»; «Россия – страна континентальная, ровная, и питомниками ее рек служат почти исключительно лесные ключи. Истребляя леса, мы уничтожаем эти питомники и отдаем целую страну различным резкостям и тяжелым условиям континентального климата <...> для отдаленного будущего мы подготовляем бесплодные, сухие равнины, подобные тем, которые были истощены кочующими номадами в Средней Азии».

Из приведенных выдержек ясно, что Чехов коснулся в пьесе «Леший» одной из насущнейших проблем охраны природы в России; эта тема явилась не ради создания энтузиастического характера, она была остро поставлена самой жизнью.

80-е и 90-е годы прошлого века, в которые Чехов писал своего «Лешего», а затем «Дядю Ваню», были годами развития отечественной науки о естественных условиях земледелия в России – о почвах страны, ее водных ресурсах, лесных массивах и климате. Основатель русского генетического почвоведения В. В. Докучаев выпустил ряд трудов, заложивших основы науки о плодородии почвы создал почвенные карты отдельных губерний Европейской России; он же с конца мая 1892 г. возглавил Особую экспедицию Лесного департамента, цель которой заключалась в улучшении естественных условий земледелия, в упорядочении водного хозяйства в степной полосе России и в создании разного рода лесонасаждений; 18 выпусков «Трудов» Особой экспедиции содержали многочисленные карты и чертежи. В этом смысле «лесная карта» уезда, о которой Хрущов коротко говорит Соне в четвертом действии «Лешего», и «картограмма», которую Астров поясняет Елене Андреевне в третьем действии «Дяди Вани», есть отражение той реальной работы, которая велась в России, – работы по приведению в ясность представлений о природных ресурсах страны в прошлом и настоящем.

Но при сравнении основных положений программы Хрущова – Астрова с научными трудами по почвоведению В. В. Докучаева сразу проявляется отличие в самой постановке вопроса. Докучаев считает аксиомой понятие о почве как «вполне самостоятельном естественноисторическом теле, которое является продуктом совокупной деятельности а) грунта, б) климата, с) растительных и животных организмов, d) возраста страны, а отчасти и е) рельефа местности» б. Человек в этой схеме отсутствует. По определению академика В. Р. Вильямса, «недостаток концепции почвообразовательного процесса В. В. Докучаева в том и заключается, что в ней не учтена производственная деятельность человека как фактора почвообразования». Сходные отличия обнаруживаются и при обращении к другим научным трудам узкоспециализированного, отраслевого характера, даже более позднего времени. Так, в труде профессора Лесного института Г. Ф. Морозова «Учение о лесе» анализируются проблемы, связанные исключительно с лесом, без влияния на него деятельности человека; редкий в его книге случай выхода в более общую проблематику – это заключение о том, что «если было даже время, когда во имя культуры боролись с лесом, то теперь давно уже во имя той же культуры ведут борьбу из-за леса» (т. е. за лес. – Л. Д.). Конечно, развитие отраслевых естественнонаучных дисциплин воздействовало, так сказать, всей своей массой накопленных знаний, но отличие этого узкоспециального, пусть РГ углубленного, изучения вопроса от подхода, сочетающего естественнонаучные знания с историко-культурным, гуманитарным взглядом у Чехова, – налицо.

Чехову была свойственна постановка проблемы именно человека и природы с ее флорой и фауной в их единстве. Мысль об этой всеобщей связи и взаимодействии еще до пьесы «Леший» была высказана в «Свирели» (1887): «Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо! <...> Пропадает все ни за грош. А пуще всего людей жалко» (С., 6, 323). В пьесе

«Леший» акцент поставлен на варварски потребительском, хищническом отношении к природе – от этого не только «гибнут миллиарды деревьев», но и «опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки»; природе наносится не только экологический, но и эстетический ущерб: «исчезают безвозвратно чудные пейзажи», а с ними утрачивается и способность человека понимать прекрасное.

Неудивительно, что мотив варварства, хищничества в отношении к природе, который остро звучит в монологах Хрущова и Астрова, генетически восходит ко времени создания «Осколков московской жизни» (1883-1885). Цикл фельетонов был связан с бытом большого города, но именно тогда сформировались у Чехова принципы гигиены применительно к общественной жизни, не только в медицинском, но в широком смысле – как разумного и нравственного отношения человека к окружающему миру.

Буквальных аналогов вдохновенным речам Хрущова и Астрова не найти, конечно, ни в естественнонаучной, ни в художественной литературе. Можно только указать на несомненную связь чеховской постановки проблемы с зарождением во второй половине XIX в. новой науки – экологии. Термин «экология», как известно, связывается с именем Э. Геккеля, который употребил его в труде «Всеобщая морфология организмов» (1866), рассмотрев отношения животных организмов к внешнему миру. Термин входил в науку замедленно, однако проблема по существу была поставлена еще ранее в книге Г. Марша «Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы» (СПб., 1866).

Г. Марш основывался главным образом на наблюдениях над природой Северной Америки и отчасти Европы, но выводы, сделанные им, существенны для общей постановки проблемы. Отдельные главы книги Г. Марша так и называются: «Разрушительное действие человека», «Последствия от истребления лесов». В главе «Общие последствия истребления лесов» Г. Марш перечисляет их: «климатические крайности», «большие реки делаются несудоходны»; «лишаясь своего растительного слоя, Земля становится все менее и менее производительна». По словам автора, чем более человек «цивилизуется, тем энергичнее и беспощаднее становится его разрушительная деятельность <...> пока в нем не пробудится сознание о необходимости если не восстановить безрассудно растраченное, то, по крайней мере, сохранить то, что есть». Эти истины могут показаться простыми, сами собою разумеющимися, но ведь, как заметил А. Битов, «экология мало знает неочевидных вещей, она ничего не открывает нового – она лишь отворяет заросшие глаза цивилизованного человека»; по при этом экология «открывает новое мышление, новое отношение к миру, новый способ описать его». Все это как нельзя больше может быть отнесено к Чехову.

Было бы, очевидно, неправомерно привязывать «лесную» проблематику пьес Чехова «Леший» и «Дядя Ваня» только лишь к статье Н. Вагнера или к книге Г. Марша. Чеховская постановка проблемы вобрала в себя достижения современных ему естественных наук широкого профиля, гуманизируя их. Человек, его деятельность в отношении к природе, разумная или неразумная, всегда в центре внимания у Чехова. Живую боль вызывает разрушение, порча природы. Голоса героев различны: то меланхолический рассказ пастуха в «Свирелп», то «отчаянный, душу раздирающий крик» ученого садовода Песоцкого при виде стертой коры у яблони: «Какой это мерзавец и каналья осмелился привязать лошадь к яблоне? Боже мой, боже мой! Перепортили, неремежили, перескверили, перепакостили! Пропал сад! Погиб сад! Боже мой!» («Черный монах». С., 8, 231). Невеселы размышления на ту же тему Якова Бронзы в «Скрипке Ротшильда»: «И почему человек не может жить так, чтобы не было этих по-терь и убытков? Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? Зачем даром гуляет выгон? Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно?» (С., 8, 304). За всеми этими сентенциями в духе и тоне героев ощущается направленность авторского внимания на больной, тревожащий Чехова вопрос.

Вопрос о генезисе идей, положенных Чеховым в основу проблематики «Лешего», очевидно, может быть разработай детальнее. Нам хотелось лишь указать на то, что она была подготовлена начатками экологических исследований в мировой и отечественной науке.

Справедливо отмечено, что «монолог Астрова, иллюстрированный картами и диаграммами, звучит как доклад нынешнего ученого-эколога». Можно только поражаться обращенности в будущее этой проблематики чеховского творчества; прошло сто лет со времени написания пьесы «Леший», а она пронизана тревогами и заботами нынешнего дня, общими для всего человечества.

- 1 Вестник Европы. 1882. № 6. С. 816-817.
- 2 Новости дня. 1883. 21 нояб. С. 2-3.
- 3 Мирской толк. 1884. 24 марта. С. 107.
- 4 Мирской толк. 1882. 17 нояб. С. 260-261. (Первоначально: Новое время. 1882. 4 нояб. С. 2-3).
- 5 Докучаев В. В. Ход и главнейшие результаты предпринятого Вольным экономическим обществом исследования русского чернозема. СПб., 1881; Он же. Русский чернозем: Отчет Вольному экономическому обществу. СПб., 1883.
- 6 Докучаев В. В. К вопросу о соотношениях между возрастом и высотой местности, с одной стороны, характером и распределением черноземов, лесных земель и солвнцов – с другой // Вестн. естествознания. СПб., 1891. № 1. С. 1.
- 7 Вильяме В. Р. Значение трудов В. В. Докучаева в развитии почвоведения//Докучаев В. В. Избр. соч. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1954. С. 12.
- 8 Морозов Г. Ф. Учение о лесе. Вып. 1: Введение в биологию леса. СПб., 1912. С. 62.
- 9 Марш Г. Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы/Пер. с англ. СПб., 1866. С. 228, 42-43. Изд. 1: Marsh G. P. Man and nature; or, Physical geography as modified by human action. L., 1864; N. Y., 1864.
- 10 Битов А. Г. Книга путешествий. М.: Известия, 1986. С. 195.
- 11 Чудаков А. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. С. 331.